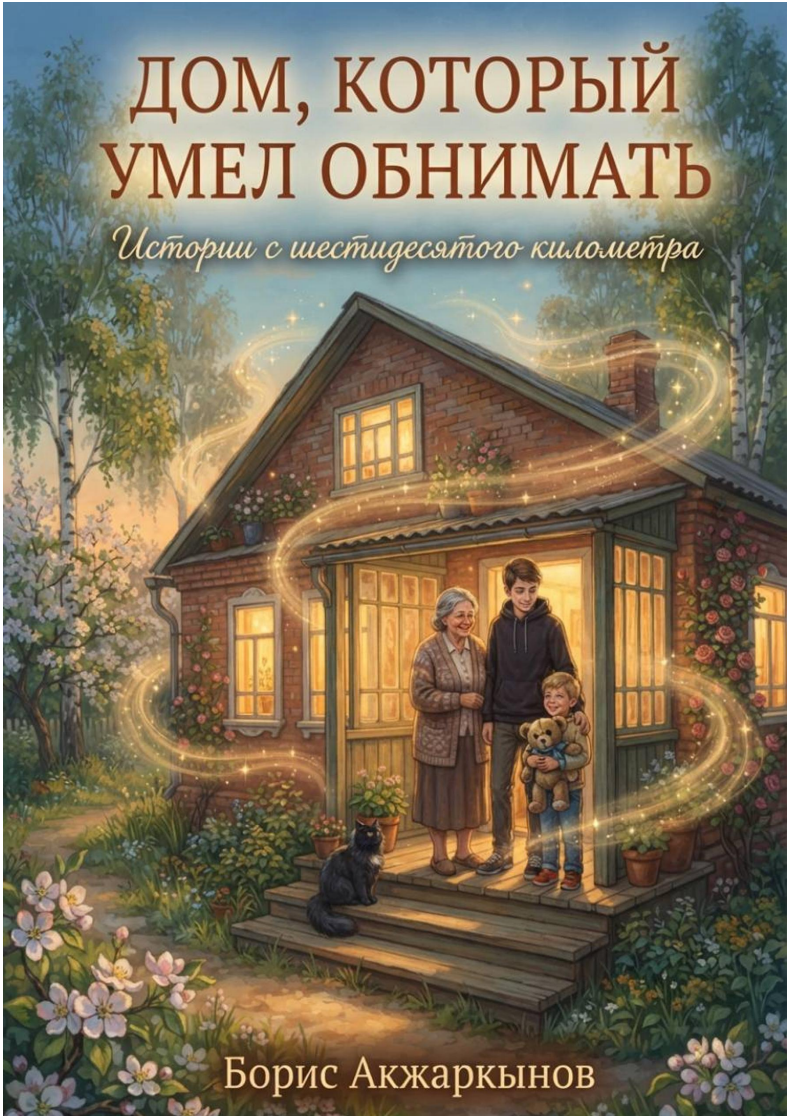
ДОМ, КОТОРЫЙ УМЕЛ ОБНИМАТЬ

Истории с шестидесятого километра

Борис Акжаркынов

Борис Акжаркынов

«Дом, который умел обнимать. Истории с шестидесятого километра»

https://litres.ru/74768624
SelfPub; 2026

Аннотация

От шумного города до его крыльца — ровно шестьдесят километров. Старый сельский Дом умеет видеть сквозь окна, согревать теплом батарей и тихим волшебством помогать тем, кому страшно или одиноко.

Под его крышей взрослеют и учатся доверять миру шустрый пятилетний Валерка, колючий новичок Макс, красавица Алина с тремя младшими сестрами и надежный выпускник Тимур. Рядом с ними — громкоголосая завуч Наталья Андреевна с карманом вишневых «чупа-чупсов», мудрые воспитатели и Директор с большим казаном для плова во дворе.

Это добрая терапевтическая книга для всей семьи о том, что настоящая семья там, где тебя любят просто так.

От автора: Все события и волшебные детали в этой книге художественные, но у каждого героя есть реальный прототип. Я сам работаю воспитателем в таком детском доме, и часть средств

от продажи этой книги пойдет на подарки, развитие и поддержку наших ребят. Покупая эту историю, вы не просто дарите тепло себе — вы помогаете тем, кому оно нужно больше всего.

Борис Акжаркынов «Дом, который умел обнимать. Истории с шестидесятого километра»

Глава 1. Скрип половиц и вишневый «чупа-чупс».

От большого шумного города до моего крыльца — ровно шестьдесят километров по старой асфальтовой дороге, мимо березовых колков и широких полей, где по осени тянет дымком и прелой соломой. Городские люди, когда едут мимо, думают, что я стою на самом отшибе. А я, если честно, считаю иначе: это их город шумит где-то на краю света, а здесь, в тихом селе, и есть самая середина жизни.

Я старый двухэтажный дом. Мои кирпичные стены помнят еще те времена, когда в этих краях только распахивали целину, а мои деревянные половицы выучили наизусть тысячи детских шагов — легких, как воробьиный перескок, и тяжелых, свинцовых, какими ходят те, кого только что привезли из-за высоких ворот.

У меня нет ни рук, ни глаз в привычном человеческом смысле, но я вижу все. Мои глаза — это широкие окна, в

которых по утрам путаются солнечные зайчики. Мои уши — старые вентиляционные отдушины и скрипучие ступеньки лестницы. А обнимать я умею теплом чугунных батарей, мягким светом ночника в коридоре и запахом свежего хлеба, который плывет с кухни на первый этаж.

Прямо напротив меня, через дорогу, стоит еще одно двухэтажное здание — наша сельская школа. По утрам мы с ней переглядываемся окнами, как два старых соседа: я выпускаю из своей калитки стайку ребят с портфелями, а школа распахивает двери и забирает их к себе до обеда.

Взрослые, которые приходят ко мне работать, бывают разными. Я научился узнавать их еще на крыльце, по тому, как они вытирают ноги о резиновый коврик.

Вот, например, «часовщики». Так я про себя называю тех, кто приезжает из города только ради зарплаты. Они пахнут чужим равнодушием и торопливостью, весь день поглядывают на стрелки часов, сидят в телефонах и мечтают только об одном — успеть на вечерний автобус. В их смены я стараюсь топить батареи чуть жарче и скрипеть старым шкафом поуютнее, чтобы моим ребятам не казалось, будто они остались в пустом здании совсем одни.

А есть еще Антонина Карповна. У нее в районе два собственных магазина, и зачем она вообще приезжает сюда дежурить — для меня загадка. Она всегда приносит с собой шуршащие пакеты с товаром, который не раскупили у нее на прилавках: подсохшие пряники, слипшиеся карамельки

или печенье с истекающим сроком. Выложит это богатство на стол, подопрет щеку рукой и ждет, когда дети начнут ее хвалить и благодарить. Ей очень хочется, чтобы ее любили — желательно дешево и без лишних хлопот. Дети, конечно, «спасибо» говорят, воспитание у нас хорошее, но я-то вижу, как тихонько они потом ссыпают эти каменные пряники в карманы, чтобы скормить воробьям за сараем.

Но когда на пороге появляется Наталья Андреевна, я буквально расправляю плечи, и даже старые стропила на чердаке перестают ныть перед дождем.

Ей около шестидесяти, и она здесь — заведующая по воспитательной работе. Новички, которые попадают ко мне впервые, поначалу вжимают голову в плечи от ее голоса: баритон у Натальи Андреевны такой, что в буфете начинают тихонько подзвякивать стаканы. Только я-то знаю: этот громкий голос — как раскат летнего грома, после которого всегда идет теплый, добрый дождь.

Наталья Андреевна знает во мне каждый гвоздь, каждую тугую форточку и каждый уголок. Много лет назад она пришла сюда самой обычной техничкой и посудомойкой, мыла мои коридоры, оттирала пригоревшие кастрюли и шаг за шагом, без всяких связей, выросла до второго человека после директора. Ей не нужно заглядывать в методички, чтобы понять, у кого из детей сегодня кошки скребут на душе. А в правом кармане ее пиджака всегда шуршит целый запас «чупа-чупсов» — на вишневый, яблочный и клубничный слу-

чай жизни.

Рядом с ней почти всегда ее младшая сестра, Татьяна Андреевна. Она тише голосом, но тверже характером — недаром ее выбрали лидером местного профсоюза. Если Наталья Андреевна — это наше тепло и порядок, то Татьяна Андреевна — наш щит. Это она вечно воюет с бумагами, отстаивает права воспитателей и выбивает для ребят путевки в лучшие лагеря по всей стране, чтобы дети могли увидеть и горы, и море, и большие города. Когда они вдвоем идут по моему коридору, я чувствую себя не казенным учреждением, а настоящей крепостью.

В тот сентябрьский вторник дежурила как раз Антонина Карповна. Она сидела в холле, листала журнал и поглядывала на часы. А наверху, в спальне младших, случилась беда.

Беду звали Валерка. Ему исполнилось чуть больше пяти лет, и по природе своей он был чистым солнечным зайчиком — шустрым, веселым, доверчивым до невозможности. Умом Валерка, честно сказать, не блистал: путал слова, забывал, зачем шел из одной комнаты в другую, и никак не мог запомнить, на какую ногу надевается левый сандалик. Зато сердце у него было огромное. Если кто-то из ребят ударялся или грустил, Валерка первым бежал жалеть, гладил по руке и отдавал свою самую красивую машинку без единого колеса.

Валерка был «лишенником». Его маму лишили родительских прав еще весной, но пятилетний человек не понимает казенных слов. Он не хочет никакой новой семьи — он про-

сто ждет, когда откроется калитка и за ним придет та, прежняя мама. А пока она не идет, внутри у маленького человека живет огромный, липкий страх, с которым его тело не всегда справляется.

Вот и сейчас Валерка стоял посреди спальни, шмыгал носом и в ужасе смотрел на свои мокрые штанишки. Уши его горели пунцовым цветом, а нижняя губа мелко-мелко дрожала. Он уже знал, что сейчас снизу поднимется Антонина Карповна, начнет громко вздыхать, качать головой и причитать при всех, какой он большой, а все равно неряха.

Я этого допустить не мог. Не для того я стою здесь шестьдесят лет, чтобы пятилетних мальчишек стыдили за их беду.

Когда внизу заскрипела первая ступенька — это Антонина Карповна лениво пошла проверять второй этаж, — я собрал все свое старое дерево и слегка перекосил дверную коробку в коридоре. Замок тихонько щелкнул, и тугая дверь в холл на секунду заклинила.

— Да что ж такое, опять разбухла! — недовольно буркнула воспитательница, дергая ручку.

Этих десяти секунд хватило. Я пустил по полу легкий, теплый сквознячок, который подтолкнул дверь шкафа в спальне Валерки — та приоткрылась, и прямо на край полки выкатились чистые запасные штаны. А следом, словно по волшебству, по лестнице загремели быстрые, уверенные шаги.

— Карповна, ты чего дверь ломаешь? Опять ключ не в ту

сторону крутишь? — прокатился по коридору громогласный голос Натальи Андреевны.

Дверь тут же легко поддалась. Наталья Андреевна шагнула в коридор, бросила один-единственный взгляд на приоткрытую дверь детской, увидела торчащий оттуда виноватый вихор Валерки и все поняла без единого слова.

— О, Валерка-богатырь! — прогремела она так, что зазвенели стекла в окнах, но глаза ее при этом улыбались тепло-тепло. — А ну-ка иди сюда, боец! У меня тут как раз в кармане один вишневый хулиган завалялся, покоя мне не дает. Переодевайся в сухое и спускайся ко мне в кабинет, поможешь мне скрепки в коробку собрать. А то без тебя никак не справлюсь!

Валерка выдохнул, мгновенно забыв про слезы. Стыд испарился, будто его и не было. Он по-деловому кивнул, нырнул обратно в комнату за сухими штанами, а я тихонько скрипнул половицей ему вслед — мол, давай, малыш, все хорошо, я прикрою.

У меня было предчувствие, что эта осень принесет нам немало хлопот. Дорога от города не зря тянется прямо к моим воротам — скоро по ней привезут того, кто заставит зазвенеть не только стаканы в буфете, но и все мои старые окна.

Глава 2. Возвращение колючего ежа.

Сентябрьское солнце уже не пекло, а только ласково грело мою старую шиферную крышу. После обеда двор обычно

наполнялся привычным шумом: из школы через дорогу возвращались старшие, в беседке девчонки сплетали последние осенние венки, а у крыльца звонко стучал футбольный мяч.

Мяч этот слушался только одного человека — Тимура.

Тимур учился в одиннадцатом классе, и я, признаться, гордился им так, словно сам его вырастил. Высокий, жилистый, с серьезными серыми глазами и спокойной улыбкой, он был здесь негласным старшим братом для всех. Сирота с самого раннего детства, Тимур рано понял: в этой жизни рассчитывать можно только на собственную голову и крепкие плечи. Учился он без троек, за теннисным столом в холле обыгрывал даже физрука из школы напротив, а на футбольном поле двигался так легко, будто у него за спиной были крылья.

Дети его уважали. Не из страха — Тимур ни разу ни на кого не поднял руку, — а за редкую для семнадцати лет справедливость. Если в смене сидел кто-то из городских «часовщиков», уткнувшись в телефон, именно Тимур следил, чтобы старшие не гоняли младших, чтобы у всех были сделаны уроки и чтобы никто не лег спать голодным.

Вот и сейчас Тимур чеканил мяч у крыльца, а рядом с ним, раскрыв рот от восторга, прыгал пятилетний Валерка.

— Тимур, а сто раз можешь? А двести? — пищал малыш, пытаясь подпрыгнуть так же высоко, как мяч.

— Сто могу, Валерка. Только ты сначала шнурок завяжи, а то носом в траву клюнешь, — усмехнулся Тимур, ловко

подхватывая мяч на подъем бутсы.

Я смотрел на них через стекла веранды и грелся их смехом. Но вдруг ворота у дороги со скрежетом распахнулись, и во двор въехала знакомая серая «Газель» из районного центра.

Я сразу насторожился. По тому, как резко хлопнула пассажирская дверь, я понял: привезли не тихого новичка.

На гравий выпрыгнул парень лет пятнадцати — худощавый, в черной олимпийке с поднятым воротником, со светлой челкой, которую он тут же дерзким движением откинул со лба. За плечом у него болтался полупустой спортивный рюкзак, а в глазах горел такой колючий, злой огонек, будто он собирался прямо сейчас подраться со всем белым светом.

Это был Макс. Он уже бывал в моих стенах два года назад, а потом его переводили из одного учреждения в другое — нигде этот ершистый парень не задерживался надолго. Жизнь помотала его основательно, и Макс усвоил одно железное правило: если не укусишь первым, сожрут тебя.

— Ну здрасьте, халупа, — громко процедил Макс, оглядывая мои окна так, словно оценивал, какое из них разбить первым. — Не соскучились? Главный красавчик района вернулся!

Девчонки в беседке тут же захихикали и зашептались — Макс действительно был смазливым, знал это и носил свою внешность как корону. А вот Валерка, наоборот, притих и спрятался за спину Тимура.

Сопровождающий из района быстро отдал бумаги вышедшей на крыльцо Наталье Андреевне, что-то шепнул ей на ухо, сочувственно покачал головой и поспешил уехать. Наталья Андреевна спрятала листы в папку, уперла руки в бока и прогремела на весь двор:

— Ну, здравствуй, блудный кот! Опять, значит, к нам? Нагулялся по белу свету?

— А я и не просился, Наталья Андреевна, — ухмыльнулся Макс, засовывая руки в карманы. — У вас тут, конечно, глушь деревенская, зато кормежка ничего. И девчонки симпатичные.

— Я тебе дам «симпатичные»! — пригрозила она пальцем, но тут же смягчилась, сунула руку в правый карман пиджака и выудила оттуда ярко-желтый «чупа-чупс». — На вот, остынь с дороги. И чтобы без фокусов мне тут! Тимур, проводи-ка нашего «красавчика» на второй этаж, покажи ему койку у окна.

Тимур спокойно кивнул, взял мяч под мышку и подошел к новичку.

— Здорово, Макс. Пошли, закинешь вещи.

Макс смерил одиннадцатиклассника оценивающим взглядом с ног до головы. Он привык, что в каждом новом месте нужно сразу показать зубы, иначе задвинут в угол.

— А ты, я смотрю, тут за главного? — с вызовом бросил Макс, специально задев Тимура плечом, когда они поднимались по моему крыльцу. — Смотрящий, да? Сразу предупре-

ждаю: мне ваши правила по барабану. Я сам по себе.

Внутри меня все напряглось. Я знал этот взгляд — сейчас вспыхнет искра, и на моем пороге начнется драка. Тимур был старше и сильнее, он мог бы легко скрутить задиру, но тогда Макс закрылся бы в своей злости наглухо, как в панцире.

Тимур остановился на площадке второго этажа. Он не ударил в ответ и даже не повысил голоса. Просто посмотрел Максу прямо в глаза — спокойно и чуть устало.

— Правила у нас простые, Макс, — тихо сказал Тимур. — Маленьких не трогать. Девчонок не обижать. А если охота пар выпустить — вон за домом турники и футбольное поле. Выходи после ужина, посмотрим, чего ты стоишь.

Макс на секунду растерялся. Он ждал крика, толчка, угроз — всего того, к чему привык в других местах. А тут с ним говорили как со взрослым, на равных. Но признать это сразу он не мог — гордость не позволяла.

— Да без проблем, — фыркнул он, толкая дверь спальни. — Еще посмотрим, кто кого!

И тут я решил немного помочь. Когда Макс шагнул в комнату и по привычке, с размаху, попытался хлопнуть дверью, чтобы показать свой характер, я чуть-чуть поджал петли. Дверь не грохнула, а мягко, почти бесшумно притворилась, словно поймала его руку в теплую ладонь.

Макс замер, с недоумением глядя на старую деревянную ручку. Потом тряхнул челкой, бросил рюкзак на кровать у

окна и впервые за весь день едва заметно выдохнул. Он еще не знал, что его колючки здесь никому не страшны — но я уже чувствовал: с этим парнем нам предстоит большая работа.

Глава 3. Зеркало для принцессы.

Если пройти от моего крыльца до калитки, сделать десять шагов через старый, потрескавшийся асфальт сельской дороги и толкнуть тяжелую металлическую дверь напротив — попадешь в другое королевство.

Двухэтажная сельская школа была моей давней соседкой и, чего греха таить, главной поставщицей новостей. Каждое утро я провожал своих ребят взглядом до ее порога, а в обед встречал обратно — по тому, как гулко хлопала калитка, я безошибочно угадывал, кто получил пятерку, кто схлопотал замечание в дневник, а кто успел с кем-то поцапаться на перемене.

В тот пятничный день школа гудела, как потревоженный улей: там готовились к осеннему балу и конкурсу «Мисс Золотая Осень».

А для моей Алины слово «конкурс» звучало почти как волшебное заклинание.

Алина училась в девятом классе, и все в округе — от малышей до самого директора — признавали: девчонка растет настоящей красавицей. Высокая, тонкая, с длинной русой косой и большими, чуть грустными глазами цвета лесного ореха. Училась она без особого блеска, «звезд с неба

не хватала», как говорила Наталья Андреевна, но была старательной, аккуратной и никогда не грубила старшим.

У Алины была своя особая ноша: вместе с ней в моих стенах жили еще три ее младшие сестры — погодки, одна меньше другой. С утра до вечера Алина крутилась вокруг них, как настоящая мама: проверяла тетрадки, заплетала бантики, следила, чтобы никто не убежал в школу без теплой кофты.

И никто, кроме меня и Натальи Андреевны, не знал, зачем пятнадцатилетней девчонке так нужно выигрывать все эти конкурсы красоты и самодеятельности.

Мама у девочек была жива. Она не пила, не пропадала в неизвестности — просто жила своей отдельной жизнью в городе и «пока не хотела их забирать». Каждый раз, когда Алина звонила ей, мама ласковым голосом говорила: «Доченька, вы же умницы, потерпите еще немножко, вот устроюсь получше — и сразу к себе заберу». И Алина терпела. Она изо всех сил старалась быть самой красивой, самой послушной и самой правильной — словно надеялась, что однажды мама увидит ее фотографию с грамотой и короной из фольги, ахнет и поймет, какое сокровище оставила за шестьдесят километров от города.

С самого утра в комнате девчонок стоял настоящий переполох. Младшие сестры скакали вокруг гладильной доски, подавая Алине то заколки, то ленточки.

— Алин, а ты точно победишь? — пищала самая млад-

шая, семилетняя Катюша, с восторгом глядя на старшую сестру. — У тебя платье как у настоящей принцессы!

— Конечно, победит! — фыркнула средняя, Даша, поправляя сестре воротничок. — У местных девчонок таких косичек никто плести не умеет!

Алина улыбалась сестрам, подмигивала им, но я-то видел: руки у нее слегка дрожат, а в глазах прячется старая, знакомая тревога. Перед выходом она остановилась в моем длинном коридоре напротив старого, потемневшего по краям трюмо, которое стояло здесь еще с незапамятных времен.

Девочка критически оглядела себя в зеркале, поправила скромное голубое платье, которое ей помогла подшить Татьяна Андреевна, и тихо вздохнула.

Я не мог оставить ее с этим вздохом. Мне так хотелось, чтобы она поверила: она прекрасна не потому, что должна кому-то что-то доказать, а просто так — сама по себе.

Я поймал своими верхними окнами косой луч осеннего солнца, пробившийся сквозь тучи, и мягко направил его прямо в старое трюмо. Тусклое стекло вдруг вспыхнуло теплым золотистым светом, осветив Алину с ног до головы так, словно она уже стояла на большой сцене в лучах софитов. А по коридору пронесся легкий сквознячок, тронув ее русую косу и словно погладив по плечу.

Алина удивленно моргнула, посмотрела на свое отражение, которое вдруг заиграло совсем другими красками, и впервые за весь день улыбнулась по-настоящему — широко

и свободно.— Ну, с богом, девчонки! — шепнула она сама себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.